

ББК 63.1(2)5-8
УДК 930(470+571)«18»

Ольга Червинская

**Писатель как
историограф:
сербский вопрос и
личность генерала
М.Г. Черняева в рецепции
Ф.М. Достоевского
(непрочитанная страница
«Дневника писателя»)**

Розглядається питання історіографічної цінності письменницького досвіду. Просліджується висвітлення Балканської ситуації 1876-1877 рр. у текстах специфічного літературного жанру «Щоденник письменника» Ф.М. Достоевського. Осібно аналізується відповідність прочитання класиком історичного факту з його теперішньою інтерпретацією. Вперше у гуманітаристиці, за новими архівними джерелами, висвітлюється доволі загадкова історична постать головнокомандуючого сербською армією генерала М.Г. Черняєва.

Ключові слова: Достоевський, Черняєв, Сербія, балканське питання, «Щоденник письменника», історіографія.

Вопрос о том, насколько правомочно воспринимать писателя одновременно и как историографа (историография требует отчуждения от субъективного восприятия), является достаточно привычным. Начиная с XIX ст., в различных аспектах он поднимается многократно (О.Ф. Миллер, А.Н. Веселовский, С.Л. Пештич, П.Р. Заборов, Д.С. Лихачев, В.М. Лурье и др.). Подчеркивалось не раз, что вплоть до конца XVIII в. отдельные произведения художественной литературы воспринимались и как источник исторической правды. Сегодня

© Червинская О., 2010

художественное освещение истории и историческая наука автономны. Однако современные историки также не считают предосудительным сослаться на мнение того или иного литературного классика, особенно на уровне концептуальных высказываний¹, признавая, что в некоторых случаях «историкам только и остается, что подглядывать за кулисы, где иронично посмеивается Клио»². Весьма показательны, что в современной научной монографии о Первой мировой войне в описание источников введена и подгруппа «война глазами художников» («брошюры, памфлеты, письма, написанные известными представителями богемы. Мысли, лирические зарисовки и даже прогнозы М. Метерлинка, Б. Шоу, Р. Музиля привнесют колорит и неожиданные повороты отдельным сюжетам»)³. Иными словами, перед нами вопрос конверсии художественного восприятия действительности в достоверный, а, следовательно, исторический факт.

Итак, обратимся к писательскому опыту. Активное восприятие современной истории было особенно присуще литературе XIX в., в том числе, и такому всемирно-значимому классику, как Ф.М. Достоевский. Однако бросается в глаза, что в жанрологическом опыте этого писателя не представлен исторический роман. В прямом смысле как романист, он как будто остался в стороне от влияния историзма, привнесенного в европейскую литературу той поры В. Скоттом, что наиболее ярко восприняли такие русские писатели, как А.С. Пушкин («Полтава», «Капитанская дочка», «Борис Годунов»), И.С. Тургенев («Новь»), Г.П. Данилевский («Мирович», «Княжна Тараканова», «Черный год (Пугачевщина)»), Л.Н. Толстой («Война и мир») и ряд других мастеров. Исторические лица активно имплицитировались в персониферу произведений упомянутых авторов.

Относительно Достоевского у читателя может сложиться убеждение, что его герои существуют вне истории, практически никак с нею не соотносятся. Исключения редки и потому заметны. Например – то, что мы читаем в эпилоге романа «Идиот» (1868) об одной из главных героинь – экзальтированной барышне Аглае Ивановне Епанчиной в связи со «странной» на первый взгляд биографической развязкой ее вхождения в польский католический мир («она, после короткой и необычайной привязанности к одному эмигранту, польскому

графу, вышла вдруг за него замуж, против желания своих родителей, если и давших наконец согласие, то потому, что дело угрожало каким-то необыкновенным скандалом»⁴). В контексте своего исторического времени, охваченного идеей европеизма⁵, подобную фабулу нельзя назвать прецедентной. Однако, знаменательно, что автор, отчуждаясь от своего мнения, делегировал его литературному персонажу, представив истолкование этого эпизода всего лишь фрагментом частной переписки героев: «Пленил он Аглаю необычайным благородством своей истерзавшейся страданиями по отчизне души, и до того пленил, что та, еще до выхода замуж, стала членом какого-то заграничного комитета по восстановлению Польши и сверх того попала в католическую исповедальню какого-то знаменитого патера, овладевшего ее умом до иступления. Колоссальное состояние графа, о котором он представлял Лизавете Прокофьевне и князю Щ. почти неопровержимые сведения, оказалось совершенно небывальым. Мало того, в какие-нибудь полгода после брака граф и друг его, знаменитый исповедник, успели совершенно поссорить Аглаю с семейством, так что те ее несколько месяцев уже и не видали...»⁶. Хотя тут, в совсем небольшом заключительном фрагменте сюжетной ветки, мы видим героиню втягивающейся в какое-то чуждое, но исторически реальное русло и затронут нерв русско-польского вопроса, однако ничего более того не сказано. В стиле Достоевского как романиста предпочтение, по видимому, отдавалось художественным обобщениям, рассчитанным на понимающего читателя. Однако в контексте всего романа такая развязка требует серьезного рецептивного решения. На это нацеливает наше внимание и мнение прп. Иустина (Поповича): «Проблема Европы есть проблема католицизма – таков вывод, к которому пришел Достоевский, изучая Европу.<...> Впервые к этой проблеме Достоевский основательно обращается в своем романе «Идиот» (1868). И в качестве носителя своей идеи берет любимого князя Мышкина»⁷. Отсюда, поступок Аглаи должен быть прочитан в ключе дихотомной антиномии этих двух персонажей и отнюдь не как «старнный».

Итак, отношение русского классика к историческому времени было более чем активным, в чем может убедить углубленный текстологический анализ самих текстов его романов, широкая пе-

реписка, а также публицистика «Дневника писателя». Этот факт уже не раз отмечался исследователями. Так, например, П.В. Палиевский писал об особой функции исторического факта в творческой лаборатории писателя следующее: «Обратим внимание на его пронизательность: ведь и раньше существовали всякие записки, мемуары, письма и те же газеты, где факт находил выход сам по себе. Но Достоевский ставит совсем иную проблему. Он видит их художественную возможность уже в том, «что они факты» – какое-то особое писательство, отчасти фантастическое, наступление художественного смысла изнутри самого материала»⁸.

В литературоведении обсуждалась и, вероятно, не раз еще будет обсуждаться жанровая специфика «Дневника писателя» (далее «ДП»). Он создавался Достоевским с двумя перерывами – в 1873, 1876-77 гг. и в 1880-1881 гг., как видим, практически уже на заключительном этапе жизни писателя и, таким образом, его должно относить к периоду подведения мировоззренческих итогов. «Разные проглянувшие между газетных строк характеры, хроника суда, истории со слов очевидца – все идет в дело для этой книги. «Дневник» наполняется от них каким-то проходным, но непреходящим смыслом и становится произведением, далеко обогнавшим свое время», – характеризует текст тот же исследователь⁹. Одним из первых в советском литературоведении о жанровой природе «ДП» размышлял Д.Г. Гачев. Он подчеркнул сознательную «анти-интимность» текста, значимость проблематики и ряд других неоспоримых признаков уникальности представленного Достоевским жанра и определил его как «анти-дневник»¹⁰. Действительно, перед нами дневник событий вовсе не личной жизни, а жизни европейской. Импликация авторского сознания в исторический текст эпохи.

Следует подчеркнуть, что писательский дар Ф. Достоевского воспринимался в большинстве случаев, начиная с оценки В.Соловьева, как пророческий, и это провоцировало сильную поляризацию мнений между западническим и славянофильским ответвлениями русского общественного сознания. Сказанное писателем всегда воспринималось, воспринимается и до сих пор, как чрезвычайно веское слово, но – исходя из того концепта истории, которого придерживались его оппоненты. Приведем здесь наиболее характерные оценки его историче-

ских прогнозов, данные известными людьми последовательно в 1906, 1921 и 1947 гг. Горячая и отрицательная принадлежала Льву Шестову (1906), взвешенные – Питириму Сорокину (1921) и Константину Мочульскому (1947).

Шестов возмущался тем, что «очень многие смотрели на Достоевского как на человека, пред которым лежали открытыми книги человеческих судеб. И это не только после его смерти, но даже еще и при жизни»¹¹, тогда как, – по его мнению, – «Достоевский, при всей независимости своей натуры, все же оказался в роли певца русского правительства. Т.е. он угадывал тайные желания власти и затем по поводу их вспоминал все «прекрасные и высокие» слова...»¹². В ту пору Шестов позволял себе и вовсе саркастические высказывания в адрес писателя, например: «Говорить громко Достоевский умел, умел и говорить тоном человека, знающего тайну, власть имеющего: подполье выучивает. Все это пригодилось. Люди приняли придворного певца существующего порядка за вдохновителя дум, за властителя отдаленнейших судеб России»¹³. История нейтрализует и следующую филиппику Шестова в адрес автора «ДП»: «России опять придется учиться у Запада, как уже не раз приходилось Учиться... И Достоевский гораздо лучше сделал бы, если бы не пытался пророчествовать. <...> Все, что было у него рассказать, Достоевский рассказывал нам в своих романах, которые и теперь, через двадцать пять лет после его смерти, притягивают к себе всех тех, кому нужно выпытывать от жизни ее тайны. А чин пророка, за, которым он так гнался, полагая, что имел на него право, был ему совсем не к лицу. Пророками бывают Бисмарки, они же и канцлерами бывают, т.е. первыми в деревне, первыми в Риме... Достоевскому же суждено вечное «накануне»?!»¹⁴. Заметим, все это было сказано Шестовым в адрес писателя до Октябрьского переворота 1917-18 гг.

Его оценка, однако, была подхвачена и советскими комментаторами-историками. Например, толкуя отношение российской общественности к Балканской проблеме в свете трех основных направлений общественного движения той поры – демократического, либерального и консервативного (справедливо подчеркивалось, что представители последнего «отнюдь не были едины во всех своих помыслах»), В.Я. Гро-

сул отнес классика к реакционному кругу людей, который собирался вокруг наследника престола – будущего императора Александра III, наиболее видными идеологами которого считались В. Победоносцев и М. Катков. Это направление, по словам историка, «стремилось использовать балканские события для отвлечения народа от внутренних социальных проблем»¹⁵. В своем историческом обзоре ученый счел необходимым подчеркнуть, что, «именно к этим слоям русского общества примкнул выдающийся русский писатель Ф. Достоевский»¹⁶.

Вернувшись к оценке Шестова, заметим, что поставленный Достоевскому в сравнение германский рейхсканцлер у самого писателя вызывал только негативную реакцию, в кругу близких людей он называл его глупцом¹⁷. В романе «Подросток» (1875) в разных контекстах Бисмарк упоминается не раз, хотя эти характеристики звучат и вне авторского нарратива. Наиболее зримый пример отсюда (размышления юного Аркадия Долгорукого): «...идеи пошлые, скорые – понимаются необыкновенно быстро, и непременно толпой, непременно всей улицей; мало того, считаются величайшими и гениальнейшими, но – лишь в день своего появления. Дешевое не прочно. Быстрое понимание – лишь признак пошлости понимаемого. Идея Бисмарка стала вмиг гениальной, а сам Бисмарк – гением; но именно подозрительна эта быстрота: я жду Бисмарка через десять лет, и увидим тогда, что останется от его идеи, а может быть, и от самого канцлера»¹⁸. Как известно, большое место занимал Бисмарк именно в публицистике Достоевского, и, по принятому академической наукой мнению, писатель «настороженно следил за политической деятельностью Бисмарка, общее отношение к ней было весьма отрицательным»¹⁹. Сегодня в мировом интеллектуальном печатном фонде ссылки на Достоевского в десятки раз превосходят позиции Бисмарка. К месту следует отметить, что и помимо Бисмарка все значимые персонажи европейской истории той поры не остались без его комментария.

Уже вскоре после событий Октябрьского переворота прозвучало совершенно противоположное мнение о значении Достоевского, высказанное Пителимом Сорокиным, который одним из первых особо подчеркнул также внутреннюю целостность творчества Достоевского: «Гениальный творец «Братьев

Карамазовых» и в своих художественных произведениях, и в своем «Дневнике писателя» постоянно касался самых главных, самых трудных общественных вопросов и способов их решения»²⁰. Эту же целостность позже отметит и другой исследователь: «Двухлетняя работа над «Дневником» завершается той религиозно-философской идеей, которая рождает из себя замысел романа «Братья Карамазовы»²¹.

В 1921 г. П. Сорокин, как известно, впоследствии авторитетнейший социолог и культуролог, подчеркнет справедливость замечания Достоевского о обозначившемся еще во времена писателя классовом противоборстве: «та и другая стороны (буржуазия и пролетариат) страшно не правы, и та, и другая погибнут во грехах своих... Единственно возможное решение вопроса – есть постановка нравственная, т.е. христианская. Рано ли, поздно ли, после рек крови и ста миллионов голов должны будут признать ее, ибо в ней только одной и исход» или «Вместо вина упьются кровью»²². Цитируя Достоевского, ученый свидетельствовал о справедливости его прогноза: «Напишите какие угодно конституции, пересадите какие угодно учреждения, но раз люди безнравственны, раз в них и их поступках нет нравственной идеи любви, то никакого улучшения быть не может. «Что толку поставить учреждение и написать на нем: *Liberté, Egalité, Fraternité*» (свобода, равенство, братство)? Ровно никакого толку, так что придется – необходимо, неминуемо придется – присоединить к трем словечкам четвертое: «*ou la mort*» (или смерть), «*fraternité ou la mort*» (братство или смерть) – и пойдут братья откалывать головы братьям, чтобы получить через насилие и «гражданское учреждение» братство. Не будет в этом случае ни свободы, ни равенства. Вместо свободы получается только «у богатых уединение и духовное самоубийство, а у бедных – зависть и убийство». Вместо равенства царство эксплуатации, угнетения, ненависти и злобы; вместо братства – взаимное поедание. Без духа любви общество может быть построено только на «спасении животишек», каковы бы ни были учреждения и какие бы вывески на них не значились. «Но спасение животишек» есть самая бессильная и последняя идея из всех идей, единящих человечество» Это уже начало конца. Это будет не здоровое общество, а «муравейник без церкви и без

Христа, с расшатанным до основания нравственным началом, утратившим все общее и абсолютное», как современная Европа. В этом случае неизбежно «наступит нечто такое, чего никто и не мыслит. Все эти парламентаризмы, все гражданские теории, богатства и банки – все это рухнет в один миг и бесследно. Все это «близко, при дверях». Вы смеетесь? Блаженны смеющиеся!»²³.

Приведем также и комментарий Константина Мочульского на «идеологические построения» Достоевского, высказанные в 1877 г., по ремарке исследователя, «в тоне проповеди и пророчества»: «В ноябре 1877 г. Достоевский снова возвращается к теме о Европе. «Да, – пишет он, – Европу ждут огромные перемены, такие, что ум людей отказывается верить в них, считая осуществление их как-бы чем-то фантастическим... *Социальная революция и новый социальные период в Европе несомненны*». С новой силой проповедует он свое *мистическое народничество*. «В наше время пророческие прозрения Достоевского сбываются: «колоссальное и стихийное» уже охватило весь старый мир» (курсив автора – О.Ч.)²⁴.

Между столь разноречивыми мнениями видных гуманистов – философа, социолога и филолога – об историческом чутье Достоевского лежит убедительный опыт двух мировых войн, краха империй, колониальных систем и перекраивания европейских границ, подтвердивший справедливость предчувствий писателя.

Как бы ни акцентировалась идея художественной целостности его творчества, все же имеет особый смысл рассматривать случай Ф.М. Достоевского как писателя-историографа вне филологического анализа, поскольку в «ДП» (в частности, за 1876-1877 гг.) он выступает не только свидетелем и комментатором текущего момента истории, но и глубоким его аналитиком. И это значимо. В «ДП» за 1876-77 гг. нашли отражение важные политические реалии и исторические имена эпохи. Наиболее примечательным является то, что писатель начал свой обзор ситуации на Балканах не с началом войны, а накануне, еще весной 1876 г. Вопрос о том, откуда черпал информацию Достоевский, прост: газетная и журнальная периодика, личные встречи.

Историческое значение Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. всесторонне осмыслялось как дореволюционными аналитиками (К. Скальковский, И. Тамамшев)²⁵, так и сто лет спу-

стя²⁶. Главный узел всего комплекса противоречий, побед и поражений, явных и скрытых противостояний принимавших в нем участие стран и отдельных политических сил заключался, по мнению специалистов, в том, что к событиям никто не был готов должным образом: «Ввиду неготовности страны к войне русское правительство стремилось сначала удержать от выступлений руководителей восстания Герцеговины, Боснии и Болгарии, а затем Сербию и Черногорию от вступления в войну с Турцией. А когда эта война все же началась, то Россия, Германия и Австрия, боясь перерастания ее в большую войну, предъявили Турции требование приостановить военные действия и принять посредничество международной комиссии. Но это предложение отвергли сами восставшие»²⁷. Безуспешным в урегулировании ситуации оказался и Берлинский меморандум (13 мая 1876 г.), «выработанный правительствами России, Германии и Австрии, к которому присоединились правительства Италии и Франции. Сопроотивление Турции было поддержано Англией»²⁸. События весны-осени 1876 г. весьма накалили обстановку в Европе.

Кроме того, Балканский вопрос также усилил идейные разногласия внутри каждой из отдельных стран. Что касается Российской империи, то тут, как подчеркивается, «подобного массового подъема не было со времен Отечественной войны 1812 г.<...> Интерес к этим событиям в народе был небывалым и приобретал самые трогательные формы. Известны случаи, когда целые села направляли своих представителей в года за свежими новостями. Каждое сообщение о неудачах повстанцев или сербских и черногорских войск встречалось как тяжелое национальное бедствие»²⁹. Однако каждому из отдельных направлений общественного мнения советская историография приписывала свою мотивацию. Либерализму – славянофильскую и умеренно реформаторскую, консерваторам – охранительные основания «самодержавия, православия, народности», выгодные для дворянства, активное участие демократов объяснялось вдохновенными исканиями собственного опыта для будущих восстаний у себя на местах³⁰.

Сегодня считать Достоевского всего лишь рупором консервативно-реакционных кругов вряд ли кто из читателей «ДП» согласится. Этот жанр явно обязан своим замыслом онтологическому замесу его художественного метода. В творческой

практике автора он был порожден именно стремлением осмысления мира через себя, через свое личное восприятие истории, подчеркнуто обособленно, о чем красноречиво и образно он говорит в предисловии к «ДП. Январь. 1876», давая понять, что этот его труд – не только реакция на русское безмыслие (у него подчеркнуто: «Я говорю безмыслие, а не бессмыслие») или стремление отгородиться от групповщины либерализма или любой иной, но первейшая духовная потребность. Подобно Гете и его страдающему Вертеру (у него в предисловии), автор «ДП» переживает ощущение великой причастности к мыслящему в себе мирозданию, осознание того, что «вся эта бездна таинственных чудес Божиих вовсе не выше его мысли, не выше его сознания, не выше идеала красоты, заключенного в душе его, а, стало быть, равна ему и роднит его с бесконечностью бытия... и что за все это счастье чувствовать эту великую мысль, открывающую ему: кто он? – он обязан лишь *своему лику человеческого* (авторский курсив. – О.Ч.)»³¹. Таким образом, вопрос заключается в том, насколько онтологически точно мыслил Достоевский, а не к какому из лагерей он примыкал.

Вероятно, интересно было бы сравнить увиденное и сказанное писателем с материалами исторических документов, тем более что такая возможность давно существует³², однако далеко не всегда официальные архивные источники позволяют понять и раскрыть истинную подоплеку того или иного события, подлинный образ исторического персонажа. Некоторые важные моменты так наз. «балканского вопроса» в освещении русского классика по сей день остаются вне поля зрения, фактически и вовсе не обозначены, но имеют более серьезное значение для историографов, чем можно ожидать. В частности, никогда не поднималась сербская тема и ее отдельные исторические участники в рецепции Достоевского³³. Между тем, внимательно изучая своевременные комментарии Достоевского на события в Сербии (1876 и 77 гг.), сравнивая их с событиями сербской истории наших времен, можно убедиться в справедливости исторических оценок и прогнозов автора «ДП».

Способность Достоевского адекватно оценить настоящий день и охватить его перспективу опиралась на его глубокий аналитический ум и безупречное ведение прошлого истори-

ческого опыта. Так, к примеру, размышления о неизбежности кризисного состояния внезапно обретенной сербами свободы вызвали писателя к аналогии с отечественной исторической практикой: «Когда кончилась татарская Орда, усилилось вдруг Казанское царство» и т.п. Интересно указание на беспомощность политических рычагов улаживания сербского конфликта, названную им «дамской» реакцией, которая в «ДП» обозначалась как «истерическое сантиментальничание и ложный либеральный европеизм». Достоевский также зафиксировал (см.: «ДП. 1877 (январь-август)»), как он говорит, «странный феномен» – ментальный уровень некоторых европейских народов, включая недавно раскрепощенного серба, более преданного своей «куче», нежели патриотической идее: «...слишком во многих, может быть, сербских сердцах это страдание по родному гнезду своему не возвысилось до страдания по родине. <...> Правда, – добавляет писатель, – теперь, когда уж кончилась у них война и заключен мир, можно заметить и то, что и сердца высшей сербской интеллигенции далеко не всегда возвышались до страдания по родине, но, однако, по другой причине, чем сердца низшие»³⁴. Глубокому анализу подверглись трагические, кровопролитные отношения между балканскими славянами и Турцией, а также межславянские отношения (на примере розни между эвакуированными в русские обители болгарскими и сербскими детьми): если, – замечает писатель, – «слова отцов переходят уже к детям, то, значит, между балканскими славянами несомненная и страшная рознь. Да, вечная рознь между славянами! Они запоминают ее в своих преданиях и сохраняют в песнях»³⁵. Зафиксированное в «ДП» Достоевским в равной степени позволительно отнести и к историографическому свидетельству, и к самой философии истории.

В «ДП. Ноябрь.1877», в самый разгар балканского конфликта, одну из глав, красноречиво названную «Одно совсем особое словцо о славянах, которое мне давно хотелось сказать», писатель открывает любопытной постановкой задачи: «Дадим же волю нашей фантазии и представим вдруг, что все дело кончено, что настояниями и кровью России славяне уже освобождены, мало того, что турецкой империи уже не существует и что Балканский полуостров свободен и живет новою

жизнью»³⁶. Эта глава интересна тем, что именно здесь наиболее раскрылся провидческий дар писателя-философа, глубокое проникновение в самую подлинную суть исторического поведения больших и малых народов. Погружаясь в исторические размышления, он своим каким-то особым чутьем вдохновенно уловил то, что «вернейшим образом случится и сбудется» лет через сто: «...по внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому, – не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только Россия их освободит, а Европа согласится признать их освобожденными! <...> все точно так именно сбудется, как я говорю, и не по низкому, неблагодарному, будто бы, характеру славян, совсем нет, – у них характер в этом смысле как у всех, – а именно потому, что *такие вещи* на свете иначе и происходить не могут. Распространяться не буду, но знаю, что нам отнюдь не надо требовать с славян благодарности, к этому нам надо приготовиться наперед. Начнут же они, по освобождении, свою новую жизнь, повторяю, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от *России* это и сделают (курсив автора – О.Ч.)»³⁷. Действительно, спустя десять лет после этого прогноза Достоевского И. Тамамшев уже подчеркивал, что осуществление идеи образования союза славянских стран в Европе «наталкивается на чрезвычайное препятствие прежде всего со стороны самих славян и других малых народов, которые с началом новой государственной жизни высказывают довольно определенное стремление к сохранению своей независимости, и только тогда захотят вступить под верховенство России, когда заметят все выгоды и преимущества, какие могут представиться от объединения под властью России»³⁸.

Конечно, авторский пафос описываемых в «ДП» событий и лет, обращенный к современникам, но вытесненный личным опытом последующих поколений, сегодня рецептируется иначе, тем не менее, надо очень постараться, чтобы не увидеть в целом правоту выводов их автора. Читаем у него: «Но о теперешнем моменте я говорить не стану, к тому же мы еще нужны славянам, мы их освобождаем, но потом, когда освободим и

они кое-как устроятся, – признают они эту войну за великий подвиг, предпринятый для освобождения их, решите-ка это? Да ни за что на свете не признают! Напротив, выставят как политическую, а потом и научную истину, что не будь во все эти сто лет освободительницы-России, так они бы давным-давно сами сумели освободиться от турок, своею доблестью или помощью Европы, которая опять-таки, не будь на свете России, не только бы не имела ничего против их освобождения, но и сама освободила бы их. Это хитрое учение наверно существует у них уже и теперь, а впоследствии оно неминуемо разовьется у них в научную и политическую аксиому»³⁹.

И Достоевский оказался прав! Именно в таком ключе те давние события освещаются сегодня сербской наукой (заранее подчеркиваю в этом тексте относящееся к нашему вопросу): «В июне 1876 г. Сербия и Черногория, предварительно заключив между собой союз, объявили войну Турции. Эта война стала испытанием для не воевавшей полстолетия армии, плохо вооруженной и без должного командования. **Нехватку офицеров восполнили русские добровольцы, а военными операциями руководил русский генерал Черняев.** После отдельных успехов сербских войск (оборона Шуматоваца) события приняли неблагоприятный оборот. Князь принял посредничество великих держав, добившихся в сентябре заключения десятидневного перемирия. **Однако Черняев, стремившийся втянуть Россию в войну с Турцией, убедил князя и сербских министров возобновить боевые действия, в ходе которых удача отвернулась от сербов.** Туркам удалось захватить стратегические позиции у Джуниса, что открывало им дорогу в Центральную Сербию. Черногория, которая была также недостаточно готова к войне, тем не менее, проводила успешные операции в пределах собственных границ (до поры – до времени – О.Ч.)»⁴⁰. В результате перемирия с Сербией Турция все свои ресурсы направила в Черногорию (65 тыс. солдат). «Под угрозой оказалась столица – Цетинье. Однако вступление русских войск в Болгарию в июле 1877 г. вынудило Порту отвести значительную часть войск»⁴¹. После падения турецкого Ниша состоялось закрепленное вскоре решениями Берлинского конгресса подписание Сан-Стефанского мирного

договора 3 марта 1878 г. В нем упоминалась независимость Сербии и шла речь об изменении ее границ (территориальное приращение в 150 кв.км.). Это было мизерным по сравнению с тем, что «Черногория значительно увеличивалась, но больше всех получала Болгария – ее территория теперь простиралась от Дуная до Эгейского побережья и албанских гор. Российские политики и не скрывали, что для них интересы Болгарии были гораздо важнее сербских. Это, – по убеждению Симы Чирковича, – привело к изменению отношения сербского общества к России, а также позиции официального Белграда к Петербургу»⁴². Такое завершение Великого восточного кризиса (5 августа 1878 г. скупщина ратифицировала решения Берлинского конгресса) было воспринято сербами как национальная трагедия⁴³. Перед нами совершенно неожиданная оценка, расходящаяся с устоявшимися выводами нашей исторической науки⁴⁴.

Должно быть, с особым интересом для историков прописаны Достоевским многочисленные и достоверные исторические портреты современников. В частности, достаточно большое место занимают ведущие персонажи сербского исторического момента – личности князей Милана Сербского и Николая Черногорского, а также русского генерала Михаила Черняева, который ценой своей репутации, вложив все силы в сербскую ситуацию, по мнению Ф.М. сыграл в ней первостепенную роль, всегда держа себя достойно, что подтверждают и сохранившиеся в архивах свидетельства современников, но сегодня напрочь забытый.

Восточный вопрос особенно регулярно освещался в «ДП. 1876 (май-октябрь)», а также в «ДП. 1877 (январь-август)», т.е. в течение целого года. Своевременно и точно тут отразилась динамика событий, которые воспринимались вначале как триумфальное осуществление идеи панславянизма, но заканчивались ее охлаждением и благоприобретенным скепсисом общественности. Посвятив балканскому движению целую главу («ДП. 1876. Июнь. III»), звучащую местами в тональности военной сводки, автор сообщает читателям наиболее значимые подробности: «Князь Милан Сербский и князь Николай Черногорский, надеясь на Бога и на право свое, выступили против султана <...>. Нерешительность и медленность великих держав, дипломатический выверт Англии, отказавшейся примкнуть к заключениям

берлинских конференций, и вдруг затем последовавшая революция в Константинополе и вспышка мусульманского фанатизма, а наконец, ужасное избиение башибузуками и черкесами шестидесяти тысяч мирных болгар, стариков, женщин и детей – все это разом зажгло и двинуло войну»⁴⁵. Достоевский комментирует эти события как человек, не погруженный в их дипломатическую подоплеку, его окружали люди, которым было известно гораздо больше. Сказанное Достоевским в первую очередь ценно тем, что он выступает в своих заметках современником и рассудительным свидетелем злободневного исторического факта. Что же касается науки нашего периода, то большинство узлов, ею уже распутанных и прокомментированных, аргументируют справедливость его выводов в «ДП».

В «ДП» дана и наиболее отточенная характеристика Черняева: «Он создал в Сербии армию, он выказал строгий, твердый, неуклонный характер. Кроме того, отправляясь в Сербию, он рисковал всей своей военной славой, уже приобретенной в России, а стало быть, и своим будущим. <...> Армия, с которой он выступил, состояла из милиции, из новобранцев, никогда не знавших ружья, из мирных граждан – прямо от сохи. Риск был чрезвычайный, успех сомнительный <...> Армия его, впрочем, не может уже более ждать ниоткуда поддержки, тогда как неприятельская может еще чрезвычайно возрасти в силах. К тому же политические соображения сербского правительства могут сильно помешать ему довести свое дело до конца. Тем не менее это лицо уже обозначилось твердо и ясно: военный талант его бесспорен <...>. Замечательно, что с отъезда своего в Сербию он в России приобрел чрезвычайную популярность, его имя стало народным»⁴⁶.

Имя Михаила Григорьевича Черняева (1828-1898) в контексте размышлений Достоевского о сербском вопросе является ключевым. В «ДП» об этом боевом генерале и возглавленном им, по поручению князя Милана Сербского, движении говорится многократно. Достоевский был лично знаком с Черняевым, они не раз встречались⁴⁷, поддерживали личные дружеские отношения⁴⁸, поскольку Черняев в то же время был заметной личностью и в литературных кругах как издатель газеты «Русский мир» (1875-76 гг.).

Сегодня историческая и яркая личность Черняева нуждается в особом слове, поскольку фактически вытеснена отовсюду – из учебников, энциклопедий, исторического дискурса и самой истории, вопреки реальному и чрезвычайно активному присутствию этого человека в узловых исторических событиях своего времени. Развернутая версия биографии М.Г. Черняева была составлена лично знавшим его Л. Слонимским для Энциклопедии Брокгауза и Эфрона еще в начале XX в.⁴⁹, но до сих пор она практически не востребована. При всех безусловных достоинствах ее, статья не раскрывает подлинного драматизма этого исторического лица, во многом сглаживает противоречивость и трагизм его судьбы, опускает многие важные детали его жизни. Дополним ее почерпнутым материалом из «ДП» Ф. Достоевского и теми документами, что сохраняются в архивах Рукописного фонда ОР РНБ (СПб).

Черняеву и Сербскому вопросу писатель посвятил все 4 параграфа второй гл. «ДП.1876.Октябрь»⁵⁰: кризисный фазис Восточного вопроса, нота Русского царя в защиту Сербов, Порты, «приникшая и принявшая ультиматум», активизация дипломатических переговоров, «интрига против Черняева»⁵¹, наличие «двух Сербий» – исконной, народной – и «верхушки» – сообщества тех людей, которые готовятся стать будущей властью. О ней Достоевский пишет: «Сербия верхняя, горячая и неопытная, еще не жившая и не действовавшая, но зато страстно мечтающая о будущем, и уже с партиями и с интригами, которые доходят иногда до таких пределов (опять-таки вследствие горячей неопытности), что не встретишь подобного ни в одной из долго живущих, безмерно бóльших и самостоятельных, чем Сербия, наций»⁵². Именно отсюда исходили, по мнению автора «ДП», все досадные помехи в деятельности Черняева – чрезвычайно активной и тем испугавшей сербскую верхушку, не позволившие ему в полной мере победоносно развернуть сербское освободительное движение.

В «ДП.1877 («Февраль» и «Июль – август»)» писатель дважды возвращается к Восточному вопросу⁵³. Как живой свидетель истории, он уже к этому времени сделал свои выводы и о Восточном вопросе, и о Сербской войне, и об историческом значении произошедшего, и о роли генерала Черняева: «Теперь, ког-

да Черняев оттуда выехал, а добровольцев выслали, у них, то есть от их военных людей, послышалась одна военная мысль <...>, что их серб и вовсе не способен служить в регулярном войске и действовать в чистом поле, а что народная сербская война – это «малая война», то есть партизанская, война шайками, в лесах, в теснинах, за камнями, за скалами. Что же, и это очень может быть; но так как мир у них уже заключен, то вряд ли можно теперь проверить <...>. Но чтоб сказать прощальное слово об этой сербской войне, <...> нам в Восточном вопросе необходимо иметь в виду неустанно одну истину: что славянская главная задача не в том только, чтобы освободиться от своих мучителей, а и в том, чтоб освобождение это совершить, хоть и с помощью русских <...>, но по крайней мере оставаясь как можно меньше обязанными русским»⁵⁴. Завершение Сербской темы в «ДП», в том числе и оценка роли Черняева, явились итоговыми моментами всего 1877 г. В свете нашей темы следует также особо подчеркнуть, что в этих же выпусках велась острая полемика с той интерпретацией Восточного вопроса, которая была подана Л. Толстым как сентенции Левина в тексте «Анны Карениной». Таким образом, перед исторической компаративистикой предстает весьма значимый прецедент, заслуживающий отдельного разговора.

Итог Достоевского по этому вопросу звучал так: «Война была объявлена Турции <...> государями, князем Миланом Сербским и князем Николаем Черногорским, ополчившимися на Турцию за неслыханные притеснения, зверства, грабежи и избиения подвластных ей славян. <...> один из этих владетелей, именно князь Милан Сербский, был владельцем не вполне независимым; напротив, обязан был султану некоторой вассальной подчиненностью <...>»⁵⁵. Россия же и никто в России войны прошлого года не объявляли, а стало быть, ровно ничем перед султаном не согрешили. А жертвоприношения между тем все стекались и стекались, но это уже совсем другое. Но вдруг один из русских генералов, на то время без занятий, человек еще не старый, всего только генерал-майор, но уже несколько известный по прежним, довольно успешным действиям своим в Средней Азии, отправился по своей собственной охоте в Сербию и предложил князю Милану свои услуги. На службу он был принят и зачислен, но вовсе не главнокомандующим сербскою армией,

как пронесся было у нас о том слух в России, долго державшийся. Вот тут-то и начались русские добровольцы, которые, впрочем, несомненно и прежде были, то есть до Черняева...»⁵⁶.

Естественно, в этой статье цитируется лишь весьма незначительная часть высказанного Достоевским в «ДП» в связи с Восточным вопросом и его отдельными участниками. Но, на мой взгляд, трудно не заметить, что тон писателя в разговоре о Черняеве становится слегка иным, чем вначале, в нем присутствует некоторое разочарование и вместе с тем сочувствие его судьбе. Действительно, непростая, триумфально начатая завоеваниями Чимкентской крепости (июль 1864) и Ташкента (июнь 1865) военная биография этого боевого генерала была фактически закончена в Сербии. Сербский вопрос оказался ее драматической кульминацией и развязкой. Последующие двадцать лет его жизни были эпохой почетных должностей: туркестанский генерал-губернатор (1882-84), член военного совета (1884-86 и с 1890 до конца дней).

Л.Слонимский, которому он в 1878 г. передал газету «Русский мир», в своей статье о нем подчеркнул особо: «Ч. часто портил себе карьеру тем, что не умел или не хотел приспособляться к желаниям и понятиям правящих лиц. С другой стороны, необыкновенная деликатность в личных отношениях доходила у него до слабости: вполне бескорыстный и правдивый сам по себе, он терпел около себя людей сомнительной честности и предоставлял действовать от своего имени разным мелочным честолюбцам и карьеристам, что справедливо ставилось ему в укор во время командования им сербскою армиею»⁵⁷. Следует дополнить, однако, что не только честолюбцы окружали Черняева в сербской войне. Так, например, в его штабе был добровольцем и первый сербский переводчик тургеневского романа «Новь» Пера Тодорович (1852-1907)⁵⁸.

Конечно, лучше всего о М.Г. Черняеве и его окружении говорят сохранившиеся, но все еще не востребованные архивы, содержащие его воспоминания, переписку, портреты. Так, в «Биографических сведениях, переданных о себе М.Г. Черняевым в беседах с М.И. Семевским – декабрь 1885 г.» он сообщает ряд интересных моментов, и можно представить его интонацию. О себе: «Родился я в Бессарабии, в Бендерах. Отец мой там служил. Мы родом из Новгорода»⁵⁹. О крымской во-

йне, где в 1854 начиналась его военная биография участием в битве под Инкерманом и действиях на Малаховом кургане⁶⁰: «На Малаховом Кургане бойня порядочная была. Бойня на Малаховом кургане была страшная. Я был очень счастлив: подо мной только одну лошадь убили и слегка контузило камнем от разрыва бомбы. Я в Севастополе слыл за офицера, который не боится ничего. Я действительно был охотник до этих ощущений. Малахов курган занимал довольно большое пространство; он весь в траверзах был, за которыми только и можно было скрыться. Нахимов был убит здесь. Он придет бывало на Малахов курган, взойдет на самый вал и смотрит в медную трубу. Его как раз и убили во время подобных наблюдений. Нам казалось, последний раз как он приходил на курган, что он ищет смерти. Я пробыл 8 месяцев и получил Владимира 4-й ст. и Золотую саблю. Горчаков к нам приехал на св. неделю <...> И как счастливо случилось: он только что успел уйти от кургана, как Англичанами взорван был пороховой погреб»⁶¹.

Подробно Черняев рассказывает здесь о своей туркестанской эпопее, которую не могли простить ему старшие по званию честолюбцы: «Вообще надо сказать, что военными успехами я нажил себе много врагов в Петербурге, где меня до того никто не знал и где я никаких связей не имел, так что у меня не было никакой опоры <...> за взятие Ташкента мне дали промежуточную награду – Золотую саблю. Так что я попал в совершенную немилость»⁶². Дальше обстоятельства складывались так болезненно, что он должен был уйти в отставку с минимальной пенсией, что означало бедность. Тогда, как человек оригинальный и деятельный, он сдает серьезный экзамен на нотариуса, берет большой кредит под будущие доходы и открывает свою нотариальную контору. Эта история всколыхнула общественность: «В то время (это было в 1867 г.) как раз умер митрополит Московский Филарет. И вот разносчики газет стали выкрикивать: «Смерть Филарета и судьба Черняева»⁶³» Император, прочитав «Московские ведомости», посчитал известие недостойным боевых заслуг Черняева, погасил его долги по организации конторы, вернул на военную службу.

В тех же архивах мы находим много ценных свидетельств о сербской ситуации. В первую очередь о том, каким образом гене-

рал связался с кн. Миланом и о первой с ним встрече 16 апреля 1876 («встретили и приняли меня чрезвычайно радушно») ⁶⁴. О таком важном и болезненном для Черняева юридическом моменте, как необходимость сменить российское подданство с тем, чтобы иметь право стать главнокомандующим Сербской «армии». Об этом эпизоде, как мы видели, Достоевский даже не подозревал.

Как самый важный участник и главный свидетель тех событий, Черняев рассказывает, насколько слабо была оснащена в ту пору молодая сербская армия, что новое министерство Милана состояло из сторонников войны, что именно сам князь требовал начинать действия. Архивы показывают, что Черняев трезво понимал ситуацию и не зря опасался неудачи, но он честно выполнял свои обязательства. Мы можем сегодня думать, что фактически Милан видел в нем всего лишь наемника, и в этом заключался трагизм моральной ситуации русского генерала.

И, в заключение, о неожиданной развязке этого сюжета. Можем ли мы сегодня знать, насколько самостоятельно действовал Черняев? Архивы убеждают, что за его фигурой скрываются другие персонажи. Это, в первую очередь, сын известного писателя и идеолог славянофильства Иван Сергеевич Аксаков (1823-1886), которому принадлежит основная заслуга в организации славянского движения на Балканах. В переписке, которая велась за спиной Черняева (сохранилось три письма корреспондента Аксакова – А.Л. Измайлова, полковника в отставке, помощника Черняева во время Сербско-турецкой войны, написанные весьма в недоброжелательном по отношению к Черняеву тоне ⁶⁵). Аксакова информировали о каждом его шаге: «23 мая 1876 года. Конфиденциально и совершенно секретно. / Из частных писем и из газет Вы уже знаете, что Ми[хаил] Гри[горьевич] Чер[ерняев] 12 мая, *de facto et de jure*, поступил на службу, *присягнув на верность подданства* [подчеркнуто в письме]» Сербскому князю и его народу ⁶⁶. Далее приводится копия приказа. Измайлов здесь же подробно описал и решающую встречу Черняева с Князем. Но именно Измайлов и стремился подстегнуть события: «Белград. 31 мая 1876 года. ...Ради всего святого, торопите М.Г. начать действия. Затяжное бездействие, уклончивость, слушание консулов, погубит все дело» ⁶⁷.

Только для наивного сознания удивительным является то, что все шаги генерала делались под руководством именно Аксакова. Сохранились письма (13) и телеграммы (9) М.Г. Черняева ему⁶⁸. В них главнокомандующий Сербской армии подробно освещал события. Уже в сентябрьских письмах речь шла о «неминуемых неприятностях» для М.Г. Одно из них (из Делинграда от 24 сентября – 2 октября 1976 г.), проникнутое пафосом большой душевной смуты, полностью освещает подоплеку событий: «Глубокоуважаемый Иван Сергеевич. Писал бы Вам каждый день, сообщал бы Вам не только о том, что делается, но и о том, что намерен делать. Ведь не могу же я забыть, что Вы меня сюда снарядили, на собственный страх. Кто же понимает тогда значение моего приезда в Сербию, кроме Вас. Но я не могу писать Вам откровенно, стесненный двойной цензурой. Объяснять положение дел значит объяснять его не Вам, а тем, которые воспользуются сообщаемыми сведениями, чтобы противодействовать мне»⁶⁹.

Достоевский оценивал эту историческую личность по чрезвычайно высокой шкале. Однако М.Г. Черняев, пережив всех упоминавшихся здесь его современников, включая великого писателя, не пережил своего времени, так и оставшись «за кулисой, наедине с Клио».

Примечания:

¹К примеру, А.И. Сыч: «...многие представители творческой интеллигенции, способные ухватить суть событий, что называется, непосредственно, интуитивно, назвали Февраль вообще солдатским бутом, а не революцией (вспомним М. Цветаеву: «Свобода – гуляющая девка на шалой солдатской груди»)). – См.: Исторична панорама: Збірник наукових статей ЧНУ. Спеціальність «Історія». – Чернівці: Рута, 2007. – Вип. 3. – С. 189; или В.П.Фисанов ссылается на Р. Музиля, Ю. Андруховича, цитирует К.Любомирски: «Божою милістю/ битви програно/ народи збурено/ синів забито/ жону осуджено/ державу втрачено». – См.: Фісанов В. П. Програне суперництво (США та Австро-Угорщина у Центральній Європі в роки Першої світової війни). – Чернівці: Золоті литаври, 1999. – С. 216-217.

²Фісанов В.П. Вказ. праця. – С. 217.

³Фісанов В.П. Вказ. праця. – С. 31.

⁴Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 тт. – Л.: Наука, 1973. – Т.8. – С. 509.

⁵По формуле Ю. Кудрявцева, «Европеизм, по Достоевскому, – это совокупность буржуазности, католицизма, либерализма и нигилизма. Именно эти явления как чисто европейские и противопоставляются явлениям российским» (См.: Кудрявцев Ю.Г. Три круга Достоевского (Событийное. Социальное. Философское). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979 г. – С. 84).

⁶Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т.8. – С. 509.

⁷Иустин (Попович), преподобный. Философия и религия Ф.М. Достоевского. – Минск: Издатель Д.В. Харченко, 2007. – С. 251.

⁸См. в кн.: Палиевский П.В. Литература и теория (гл. «Документ в современной литературе») – М.: Сов. Россия, 1979. – С. 132.

⁹Там же. – С. 133.

¹⁰Доклад «Дневник писателя» Ф. Достоевского как анти-дневник», прочитанном на конференции по теории литературы в МГУ (декабрь, 1985 г.).

¹¹Шестов Лев. Пророческий дар. с.119-127. / Лев Шестов. Пророческий дар. С.119-127. / О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов. Сборник статей / Сост. В.М.Борисов, А.Б.Рогинский. – М.: Книга, 1990. – С. 119.

¹²Там же. – С. 121.

¹³Там же. – С. 121-122.

¹⁴Там же. – С. 127.

¹⁵Гросул В.Я. Восточный кризис 70-х годов XIX в. и российское общество // Сб.: «100 лет освобождения Балканских народов от Османского ига: Материалы международной конференции. Москва, 15-17 мая 1978. – М.: Наука, 1979. – С. 136.

¹⁶Там же.

¹⁷Запись в дневнике С.И. Смирновой (Сазоновой) от 1 марта 1880: «Достоевский называет Бисмарка глупцом». – См.: Мостовская Н.Н. Достоевский в дневниках С.И. Смирновой (Сазоновой) // Достоевский: Материалы и исследования. Вып. 4. – Л.: Наука, 1980. – С. 276.

¹⁸Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т.13. – С. 77.

¹⁹Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 29. – Кн. 2. – С. 329.

²⁰См.: Питирим Сорокин. *Заветы Достоевского*. – Впервые: Ар-

тельное дело, 1921 г., 3 17-20. С.4-7. / О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов. Сборник статей / Сост. В.М. Борисов, А.Б. Рогинский. – М.: Книга, 1990. – С. 246.

²¹Мочульский К.В. Достоевский. Жизнь и творчество (1947). В кн.: Гоголь. Соловьев. Достоевский / Сост. и послеслов. В.М. Толмачева. – М.: Республика, 1995. – С. 504.

²²Питирим Сорокин. Указ. соч. – С. 249.

²³Там же. – С. 249-250.

²⁴Мочульский К.В. Указ соч. – С. 503.

²⁵См.: Кутишев Н.Е. Некоторые вопросы политики держав в Турции в работах русских публицистов 90-х годов XIX в. // Взаимоотношение России со странами Востока в середине XIX – XX веков: Сб. научных тр. / Иркутский госпединститут, 1982. – С. 32-40.

²⁶Бескровный Л.Г., Нарочницкий А.Л. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и ее историческое значение // Сб.: 100 лет освобождения Балканских народов от Османского ига: Материалы международной конференции. Москва, 15-17 мая 1978. – М.: Наука, 1979. – С. 12-33.; Исламов Т.М. Российская империя и монархия Габсбургов: основные тенденции во взаимоотношениях (конец XVIII-XIX вв.) // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. – М., 1997. – С. 250-264.

²⁷Бескровный Л.Г., Нарочницкий А.Л. Указ. соч. – С. 14.

²⁸Там же.

²⁹Гросул В.Я. Восточный кризис 70-х годов XIX в. и российское общество. – С. 134.

³⁰Там же. – С. 135-138.

³¹Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 22. – С. 6.

³²См., например, многотомное издание: Внешняя политика России XIX и нач XX века. Документы российского министерства иностранных дел. – М.: Наука, 1985.

³³Досадный тематический пробел в книге Данченко С.И. Русско-сербские общественные связи. 70-80-е годы XIX в. – М.: Наука, 1989.

³⁴Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 25. – С. 42-43.

³⁵Там же. – Т.25. – С. 38.

³⁶Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т.26. – С. 77-78.

³⁷Там же. – С. 78.

³⁸Тамашев И. Политическая судьба Константинополя, Балкан-

ских народов и отношение их к России и западноевропейским государствам. – С.-П., 1887. – С. 80 // Цит. по: Взаимоотношение России со странами Востока в середине XIX – XX веков: Сб. научных тр. / Иркутский госпединститут, 1982. – С. 40.

³⁹Там же. – С. 79.

⁴⁰Чиркович С.М. История сербов / Сима М. Чиркович; Пер. с сербскохорв. – М.: Весь мир, 2009. – С. 286-287.

⁴¹Там же. – С. 287.

⁴²Там же. – С. 288.

⁴³Там же. – С. 289.

⁴⁴См. сб.: 100 лет освобождения Балканских народов от Османского ига: Материалы международной конференции. Москва, 15-17 мая 1978. – М.: Наука, 1979. – С. 224.

⁴⁵Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 23. – С. 44.

⁴⁶Там же. – С. 105.

⁴⁷Запись в дневнике С.И. Смирновой (Сазоновой) за 1878: «2 марта. Н. <Ф. Сазонов> вечером у Суворина, где справляют двухлетие газеты. Много народу: Черняев, Достоевский, Данилевский, Кюи, Мясоедов и пр.» // Достоевский: Материалы и исследования. Вып. 4. – Л.: Наука, 1980. – С. 274.

⁴⁸Например, в «Pro Мемогіа» !зап. книжки <1880> : «Заехать перед отъездом <...> К Черняеву». Позже отмечено: «Воскре<сенье> Черняев...». – См.: Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 27. – С. 116, 117.

⁴⁹Энциклопедический словарь, т. XXXVIII / Изд. Ф.А.Брокгауза, И.А.Эфрона. – СПб, 1903. – С. 694-695.

⁵⁰Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 23. – С. 148-162.

⁵¹Там же. – С. 151.

⁵²Там же. – С. 152.

⁵³Знаменательно, что именно между этими выпусками размещена его гениальная антиутопия «Сон смешного человека. Фантастический рассказ». Здесь ключевая мысль Достоевского о человеке, его истинном предназначении, фатальной разнице в таких феноменах как «жажда свободы» и «свобода» (у него: ««Сознание жизни выше жизни, знание законов счастья – выше законов счастья» – вот с чем бороться надо!» См.: Т. 25. – С. 119), в конечном счете – страшной способности добра перерасти во зло, скорбь о каком-то жалком недостоинстве развращенного человеческого рода в целом достигли наибольшей идейной сгущенности и импрессионистической ярко-

сти. Прочитать этот текст в контексте Восточного вопроса филологическому сознанию еще предстоит.

⁵⁴Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 25. – С. 43-44.

⁵⁵Это дало повод Биконсфильду (Дизраели) в оскорбительном для всех участников Сербской стороны тоне заявить, «что Сербия, объявив войну Турции, сделала поступок бесчестный и что война, которую ведет теперь Сербия, есть война бесчестная». – См.: «ДП.1876. Май-октябрь». Т. 23. – С. 110.

⁵⁶Там же. – С. 209-210.

⁵⁷Слонимский Л. Черняевъ (Михаил Григорьевичъ) // Энциклопедический словарь, т. XXXVIII А. – СПб.: Изд. Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. – 1903. – С. 695-696.

⁵⁸Данченко С.И. Русско-сербские общественные связи. 70-80-е годы XIX в. – М.: Наука, – 1989. – С. 161.

⁵⁹ОР РНБ. Ф.1009. Архив Черняева Н.М. Ед.хр.№4, л.1.

⁶⁰См.: Слонимский Л. Черняевъ (Михаил Григорьевичъ). – С. 694

⁶¹ОР РНБ. Ф.1009. Архив Черняева Н.М. Ед.хр.№4, л.10.

⁶²ОР РНБ. Ф.1009. Архив Черняева Н.М. Ед.хр.№4, л.12.

⁶³Там же, л.13.

⁶⁴Там же, л.14.

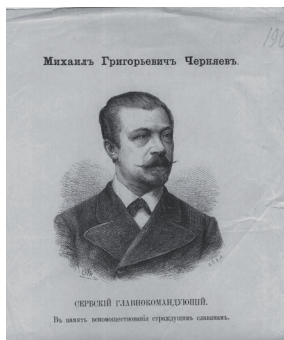
⁶⁵Измайлов Александр Лаврович. Письма (3) Ивану Сергеевичу Аксакову из Белграда. ОР РНБ. Ф. 847. Шаховской Н.В. Ед.хр.№810.

⁶⁶Указ. документ. Письмо 1-е.

⁶⁷Там же. Письмо 3-е.

⁶⁸Черняев М.Г. Письма и телеграммы Ивану Сергеевичу Аксакову. ОР РНБ. Ф. 14. Ед.хр.№387. – 14 листов.

⁶⁹Там же.

Генерал М.Г. Черняев

Olga Chervinska

A Writer as a Historiographer: Serbian Issue and a Figure of General M.G. Chernyayev in F.M. Dostoyevsky's Reception (an Unread Page of «A Writer's Diary»)

The article is devoted to the problem of a historiographical value of a writer's experience. The representation of the Balkan situation of 1876-1877 in the texts of a specific literary genre «A Writer's Diary» is traced. Separately the correspondence between the author's reading of the historical fact and its today's interpretation is analyzed. For the first time in the humanities a rather mysterious historical figure of the commander in chief of the Serbian army M. Chernyayev is exposed in accordance with the new archival sources.

Key words: *Dostoyevsky, Chernyayev, Serbia, Balkan issue, «A Writer's Diary», historiography.*

Надійшла до редколегії 15.03.2010 р.